

Попов Виталий Владимирович, Болотова Вероника Андреевна

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ДОИСТОРИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

В статье рассматриваются доисторическое и историческое время. Доисторическое время сравнивается с дособытийным временем. Предлагается адекватная темпоральная референция. В контексте проблемы исследуется структура исторического процесса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 159-162. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS ROLE IN MEDICAL ACTIVITY ORGANIZATION LEGAL REGULATION WITHIN RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY

Ol'ga Glebovna Pechnikova, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Civil-Legal Disciplines
Moscow Institute of Entrepreneurship and Law
lex1881@mail.ru

The author reveals the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire activity on healthcare organization, pays special attention to medical practice legal regulation during the specified period, studies numerous normative-legal acts regulating healthcare sector during the indicated period and at the same time considers medical work rather extensively, including medical personnel training.

Key words and phrases: medical department; code of laws; deanery regulations; Ministry of Internal Affairs; hospitals; medical council.

УДК 316.3

В статье рассматриваются доисторическое и историческое время. Доисторическое время сравнивается с дособытийным временем. Предлагается адекватная темпоральная референция. В контексте проблемы исследуется структура исторического процесса.

Ключевые слова и фразы: доисторическое и историческое время; событийное время; темпоральная референция; структура исторического процесса.

Виталий Владимирович Попов, д. филос. н., профессор

Вероника Андреевна Болотова

Кафедра философии

Таганрогский государственный педагогический институт

vitl_2002@list.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ДОИСТОРИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ©

Исследование, в рамках которого написана данная статья, выполнено при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-2011 гг.) Министерства образования и науки Российской Федерации. Проект РНП.2.1.3.9223 «Методологические и логико-семантические основы исследования социального противоречия и переходных периодов развития современного российского общества». Научный руководитель проекта – доктор философских наук, профессор В. В. Попов.

С позиций прошлого вообще различают историческое и доисторическое время. Возникает вопрос, действительно ли существенно различны эти времена и не есть ли это, в сущности, одно и то же время, ибо доисторическое время не может служить настоящим ограничением исторического времени, так как оно могло бы служить таким ограничением лишь при условии, что оно внутренне было бы иным и отличным от этого времени. Ответ на этот вопрос зависит от того, есть ли в доисторическое время что-то иное, нежели в историческое.

Доисторическое время было бы существенно внутренне различным, если бы у него было иное содержание, чем у исторического. Но какое же различие можно найти между ними в этом отношении? С точки зрения обычных понятий такого различия нет, разве что события доисторического времени незначительны, а события исторического – значительны. Коль скоро нет между историческим и доисторическим временем истины, а именно, внутреннего различия, то и невозможно провести между ними твердой границы, так что никто не может сказать, где начинается историческое время, а где оно заканчивается. Но все это требует дальнейшего осмысления.

Историческое и доисторическое время – это уже не относительное различие в пределах одного и того же времени. Это два различных, разделенных, включающихся друг в друга, но тем самым и ограничивающих друг друга периода времени, ибо между этими периодами есть существенное различие: в доисторическое время сознание человечества подвержено внутренней необходимости, процессу, который как бы отнимает его у действительного мира; историческое же время не продолжается в доисторическом, а, напротив, ограничено таковым; мы называем его совершенно иным не потому, что в самом широком смысле оно тоже не было историческим, а потому, что в это время совершаются исторически масштабные события и время это полно событий, причем событий совершенно иного вида, подчиненных совершенно иному закону. В этом смысле мы назвали его относительно философским [3].

Однако это время, которым замкнуто и ограничено время историческое, в свою очередь, определено, и само оно, тоже в свою очередь, ограничено иным временем; это же иное или, вернее сказать, третье время,

не может быть просто каким-то историческим, но может быть лишь абсолютно доисторическим как время полной исторической неподвижности. Это время еще неразделенного, единого человечества, которое само не нуждается уже в ограничениях, так как относится к последующему лишь как момент, чисто исходная точка, постольку, так как в нем самом нет истинного последовательного хода событий, нет последовательности времен в отличие от двух иных.

История протекает для человека так, что это уже не беспорядочное, не безграничное время. Каждое звено этого целого есть свое особенное, самостоятельное время, которое ограничивается не просто временем предшествующим, но временем, отделенным от него и сущностно различным. Можно, конечно, различать историческое соотношение и историю; при этом первое есть само последование событий и ситуаций, а второе – видение их. Отсюда следует, что понятие «историческое совершение» шире, чем понятие «история». Поэтому вместо понятия «доисторическое время» можно использовать понятие «дособытийное время», а вместо понятия «относительно доисторическое время» – «доисторическое время».

Когда общество, ставшее более сложным, приходит к осознанию времени, все его старания, прежде всего, направляются на отрицание времени, ибо оно видит в нем не то, что проходит, но то, что возвращается. Статичное общество организует время в соответствии со своим непосредственным опытом восприятия природы, функционирующей по модели циклического времени. Циклическое время господствует уже в опыте кочевых народов: в каждом моменте их переходов они застают одни и те же условия, и потому, например, Гегель отмечал, что странствия кочевников являются лишь формальным понятием, ибо оно не выходит за пределы однородных пространств [1].

Общество, локализуясь в определенном месте, придает пространству некоторое содержание через обустройство индивидуализированных мест и оказывается тем самым замкнутым внутри этого местоположения. Временной возврат в подобные места является возвратом времени в то же самое место, повторением последовательности действий.

Циклическое время само по себе является временем бесконфликтным, однако в самом этом времени заложен конфликт: ведь история борется, прежде всего, за то, чтобы быть историей практической деятельности. Эта история создает необратимое на поверхности, ее движение составляет то самое время, которое исчерпывается внутри неисчерпаемого времени циклического сообщества.

Так называемое «холодное общество» – это общество, которое выдерживает в постоянном равновесии свое противостояние по отношению к человеческому, естественному окружению; внутреннее противоречие между последними до крайности замедляет свою историческую составляющую. Если крайнее разнообразие возникших ради этого институтов свидетельствует о гибкости самотворящей человеческой природы, то сам факт такого свидетельства, очевидно, может принадлежать только внешнему наблюдателю, вернувшемуся из исторического времени.

В этой связи, К. В. Хвостова и В. К. Финн отмечают, что «установление определенных периодов, эпох, связано с исследовательской процедурой, которую можно условно назвать исторической инверсией. Кроме того, происходит абстрагирование от временных изменений, фиксирование статического времени, синхронных факторов. Подразумевается признание в обществе и в деятельности людей определенных инвариантов. В частности, в европейской христианской традиции большую роль играет признание традиционности, неизменности определенных качеств, свойственных человеку. Эти качества имеют, согласно одним теориям, божественный, а согласно другим, – связанный с природой человека характер.

Сказанное обнаруживает важность понятия исторического времени как гносеологической характеристики, показывающей, каким образом представители разных научных школ и направлений оценивали смысл происходящего в истории (например, осевое время К. Ясперса), то есть какие события, факты и тенденции они квалифицировали как переломные, позволяющие говорить о смене эпох. Прошлое в развитии истории человечества – это события, факты, тенденции, которые, по мнению историка, имели в свое время большое значение, повлияли так или иначе на дальнейшее развитие, но, тем не менее, сменились другими тенденциями, но однородными с данными, несущими иной исторический смысл» [6, с. 27].

Общепринятое понятие современности предполагает, по крайней мере, обращение к попытке уяснить специфику исторических тенденций, проходящую сквозь рациональную конструкцию, относящуюся непосредственно к настоящему. Ведь рациональный спектр сознания может быть ограничен именно историческим способом, когда отыскиваются эпистемологические неопределенности. «Повышение роли исторического знания в современной эпистемологии связано не только с признанием важности в науке временного фактора, но и с акцентированием исторического субъективизма и плюрализма в рамках теоретической гносеологии истории. Подобная позиция не соответствует прагматическому уровню гносеологии истории с его вниманием к имманентным проблемам науки и их развитию. Действительно, разработка новых методов исторического исследования, происходящая в последние десятилетия, способствует достижению большей согласованности мнений историков относительно сложного сплетения исторических событий и их оценки» [Там же, с. 24].

Специфика подобного рассмотрения заключается не в признании многофакторности и вариативности тенденции, не в гетерогенности и редуцируемости к общему источнику и даже не в незавершенности некоторых или ведущих тенденций в настоящем, что позволяет само настоящее описывать как знание. Эта специфика тенденции должна быть усмотрена в их способности проходить сквозь настоящее, в том, что выдвигание из будущего в настоящее делает их современным. Через строгое понятие «современность» дается и структура исторической относительности вообще. Сопряженность чего-то исторического с чем-то историческим есть

экспликация исторического времени уже не как последовательности моментов, элементов формы образований, а как составленности исторического целого; и время в таком случае кажется не формой исторического анализа, а образующей формой исторической конструкции. Именно в понятии «настоящее» может быть найдена возможность мыслить и историческое время, причем вне контекста его определяющей соотношенности с историческим пространством, историческим опытом, исторической жизнью. Неформальное условие времени должно соотноситься с формальным условием пространства и процесса, но должно описывать время как условие соотносимости исторических этапов присутствия; и здесь понятие настоящего обнаруживает свой проблематизирующий потенциал в том плане, что открывает и, более того, удерживает открытым вопрос о статусе темпоральной схематики философии и истории.

Сделаем два замечания общего плана. Известно, какова значимость тематики философии истории. История сама по себе есть собрание сведений, и философия истории поэтому должна быть чем-то вроде осмысления содержания этих сведений, причем осмыслением схематичным и упорядочивающим в той мере, в какой она распределяет историческое содержание по векам и периодам. Но философия истории уже не есть упорядочивание материала по какой-то своей, пусть даже всеобщей, мерке. Когда в философии истории речь идет о временах, периодах, веках и им подобных конституэнтах, то разбирается и понимается не сущность бытия, не включенного в исторический фрагмент содержания, а самого исторического фрагмента как такового. Темпоральное описание философии истории имеет свою специфику, связанную скорее не с ориентацией на понятие времени вообще или на дистанцию физического и исторического времени, а с тем, что оно вообще может отсутствовать как направляющее или же присутствовать не собственной мерой, а как квазивременное. Это значит, что темпоральный анализ, в котором четко артикулированы смысл времени как природы и эпохи, формации и образа, события и свершения, господства и преимущества, или основан на разного рода аналогиях и употреблениях, или же этот анализ оказывается лишь частной сферой философско-исторического интереса.

В философии и истории находят три измерения исторической реальности: темпоральное, пространственное, ситуативное. Для пространственной схематики характерно, что историческое не находится только там, где развернута пространственная конструкция – конструкция познаваемых или познанных элементов и описание типичного или господствующего вида связи элементов конструкции. Для ситуативной схематики историческое обнаруживается среди элементов заданного положения дел; особенно важно и то, что при ситуативном описании связи исторических событий выясняется их конкретный характер; есть в этом понятии истории важнейшей элемент – поколение, имеющее возраст для совершения осмысленных действий, получившее образование, оставившее результаты своего труда [6]. Кроме того, особенно привлекательной в философии истории выглядит представление исторической реальности как процесса: процесс ли это исторических формаций, или исторических типов, или исторических характеров. Наконец, для темпоральной схематики историческое обнаруживается там, где имплицитно временная мера бытия исторически сущего, то есть историчность понимается как временность, присутствие, в том числе сущность и временность самого исторического понимания.

Заметим, что «настоящее» в строгом понятийном смысле представляет собой проблемы для ситуативно или пространственно конституированной философии истории. Для ситуативно-ориентированной философии истории сама проблема типичной и проблематизирующей истории каждый раз оказывается актуальной с точки зрения исторических событий.

Принимая точку зрения, что исторический процесс есть такая мыслительная конструкция, которая отражает позицию исследователя и представляет, таким образом, объекты ее рассмотрения, например, общество в целом или политическую систему, изменяющиеся во времени, исследуем вопросы временного параметра и его роли в социально-исторических исследованиях. И. Кант был одним из первых мыслителей, кто впервые указал, что закономерности истории в значительной мере связаны с временным параметром и проблемой выбора временного масштаба рассмотрения истории. Если масштаб небольшой, на первый план выступает случайность, если же масштаб, наоборот, крупный, то исследователь может выделить те или иные нарастающие процессы и может определить тенденции. Принципиально новое, что предложил И. Кант, – это точка зрения исследователя на подход к историческому процессу, когда он рассматривает его «либо через очки, либо через микроскоп» [2].

Понятие «процесс» со всеми его фундаментальными характеристиками может возникнуть только у субъекта, фиксирующего и упорядочивающего свои моментальные образы прошедших состояний наблюдаемых объектов. Это чисто ментальный продукт. Об объективности исторических процессов можно говорить только в плане объективности и непрерывности исторических изменений выбранного объекта, конкретно – о выбранных его состояниях, то есть о том, что мы понимаем, что именно, наблюдая объект в каждый момент его бытия, можно зафиксировать, будь это хотя бы самые мельчайшие исторические изменения, и что можно отразить в своем сознании как упорядоченную последовательность ментальных образов прошедших состояний изменяющегося объекта.

Так, Е. М. Сергейчик отмечает, что «история, как уже отмечалось, в целом, предстает как дисконтинуальный процесс: в известных точках исторического пространства-времени наступают “надломы”, образуются “разрывы”, происходят “мутации”, “некумулятивные скачки”, способные подчас резко изменить “маршруты” культуры. По мере того как возрастает динамизм социокультурных изменений, актуализирующих творческие аспекты человеческой деятельности, усиливается исследовательский интерес к переходным, или транзитивным, периодам истории» [5, с. 9].

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия истории* // Гегель Г. В. Ф. *Сочинения*: в 14-ти т. М., 1929-1958. Т. 8.
2. Кант И. *Сочинения*: в 6-ти т. М., 1964-1966.
3. Лой А. Н. *Время как категория социально-исторического бытия* // *Вопросы философии*. 1979. № 12. С. 73-80.
4. Петров М. К. *Самосознание и научное творчество*. Ростов-на-Дону, 1992.
5. Сергейчик Е. М. *Философия истории*. СПб., 2002. 520 с.
6. Хвостова К. В., Финн В. К. *Проблемы исторического познания*. М., 1997.

HISTORICAL PROCESS: PREHISTORICAL AND HISTORICAL TIME

Vitalii Vladimirovich Popov, Doctor in Philosophy, Professor
Veronika Andreevna Bolotova
Department of Philosophy
Taganrog State Pedagogical Institute
vitl_2002@list.ru

The authors consider prehistorical and historical time, compare prehistorical time with pre-event time, suggest adequate temporal reference and research historical process structure in the context of the problem.

Key words and phrases: prehistorical and historical time; event time; temporal reference; historical process structure.

УДК 340.15

В статье анализируются вопросы охраны отдельных объектов природы (лес, земельные участки, охотничьи и рыболовные угодья) в период феодальной раздробленности (XII-XV вв.).

Ключевые слова и фразы: охрана; объекты природы; собственность; жалованные грамоты; заповедные грамоты; феодальная раздробленность.

Лилия Мухаметовна Рахимова

Кафедра права

Магнитогорский государственный технический университет

Rahimova68@list.ru

**ОХРАНА ОБЪЕКТОВ ПРИРОДЫ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГРАМОТ И УСТАВОВ XII-XV ВЕКОВ)©**

В начале XII века Русь вступила в период феодальной раздробленности, в результате которой на ее территории образовалось 12 государств-княжеств. Наряду с продолжавшими действовать нормами общего характера, такими как «Русская Правда», в княжествах формировались свои правовые системы.

В связи с этим представляется важным анализ нормативных правовых актов периода феодальной раздробленности с точки зрения отражения в них вопросов охраны объектов природы.

Еще в период действия «Русской Правды» из общегражданских норм возник не оформленный в виде особого акта норм природоохранной аспект права. В XII веке этот процесс был продолжен, а закрепление права собственности выразилось в появлении жалованных, дарственных, купчих, духовных и других грамот. Эти грамоты явились первыми правовыми документами, закрепившими права собственности на природоохранные объекты – землю, лес и воду. К. А. Неволин отмечал: «В Древние времена владельцам земель особыми жалованными грамотами князей предоставлялись обширные права. На основании этих грамот по земельный владелец становился полноправным собственником своих земельных угодий» [14, с. 152].

В период феодальной раздробленности князья предоставляли свои владения в пользование не только частным лицам, но и монастырям. Одной из первых была грамота, в соответствии с которой новгородский посадник Иван Фомин в 1181-1182 гг. передал Муромскому монастырю «сенные покосы» и «земли и воды», и «леса» [17, с. 99-117]. По грамоте нижегородского князя Бориса Константиновича 1395 г. Спасско-Благовещенскому монастырю разрешалось «по реке Суре и по озерам рыбу ловить и всякими угодьями владеть...», а посторонним людям запрещались в этих угодьях рыбная ловля и бобровая охота [6, с. 120].

Еще одной иллюстрацией может служить Грамота, выданная Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, приобретенную им у Смехна и Прохна Ивановых детей (не позднее 1147 г.), в которой дается четкое описание переданных монастырю земельных угодий и устанавливается запрет на пользование землями другим лицам [4, с. 233-241].